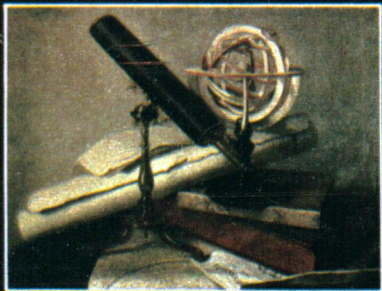

ОГОНЁК

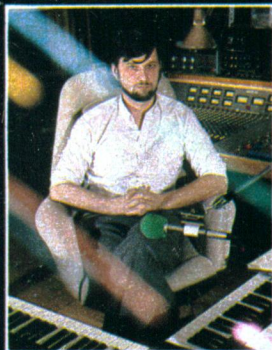
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 50 ДЕКАБРЬ 1987

ПО ЗАЛАМ
КАЛИНИНСКОЙ
ГАЛЕРЕИ

БОРИС
ПАСТЕРНАК:
ОТРЫВОК
ИЗ РОМАНА
«ДОКТОР
ЖИВАГО»

РИТМЫ СУДЬБЫ
АЛЕКСЕЯ
РЫБНИКОВА

MADE
IN ZAGRANITSA

ОТКУДА ПЛЫВУТ
ТЮЛЕНИ?

РЕКОРДЫ
ИЗ XXI ВЕКА

сказал Галиуллин.— Я служил в одном полку с вашим мужем и знал Павла Павловича. У меня для вас собраны его вещи.

— Не может быть, не может быть,— повторяла она.— Какая поразительная случайность. Так вы его знали? Расскажите же скорее, как все было? Ведь он погиб, засыпан землей? Ничего не скрываете, не бойтесь. Ведь я все знаю.

У Галиуллина не хватило духу подтвердить ее сведения, почерпнутые из слухов. Он решил со- врать ей, чтобы ее успокоить.

— Антипов в плену,— сказал он.— Он забрался слишком далеко вперед со своей частью во время наступления и очутился в одиночестве. Его окружили. Он был вынужден сдаться.

Но Лара не поверила Галиуллину. Ошеломляющая внезапность разговора взволновала ее. Она не могла справиться с нахлынувшими слезами и не хотела плакать при посторонних. Она быстро встала и вышла из палаты, чтобы овладеть собою в коридоре.

Через минуту она вернулась внешне спокойная. Она нарочно не глядела в угол на Галиуллина, чтобы снова не расплакаться. Подойдя прямо к койке Юрия Андреевича, она сказала рассеянно и заученно:

— Здравствуйте. На что жалуетесь?

Юрий Андреевич наблюдал ее волнение и слезы, хотел спросить ее, что с ней, хотел рассказать ей, как дважды в жизни видел ее, гимназистом и студентом, но он подумал, что это выйдет фамиллярно и она поймет его неправильно. Потом он вдруг вспомнил мертвую Анну Ивановну в гробу и Тонины крики тогда в Сивцевом и сдержался, и вместо всего этого сказал:

— Благодарю вас. Я сам врач и лечу себя собственными силами. Я ни в чем не нуждаюсь.

— За что он на меня обиделся?— подумала Лара и удивленно посмотрела на этого курносого, ничем не замечательного незнакомца.

Несколько дней была переменная, неустойчивая погода, теплый, заговаривающийся ветер ночами, которые пахли мокрой землей.

И все эти дни поступали странные сведения из ставки, приходили тревожные слухи из дому, изнутри страны. Прерывалась телеграфная связь с Петербургом. Всюду, на всех углах, заводили политические разговоры.

В каждое дежурство сестра Антипова произ-

водила два обхода, утром и вечером, и перекидывалась ничего не значащими замечаниями с больными из других палат, с Галиуллиным, с Юрием Андреевичем.— Странный любопытный человек,— думала она.— Молодой и нелюбезный. Курносый и нельзя сказать, чтобы очень красивый. Но умный в лучшем смысле слова, с живым, подкупающим умом. Но дело не в этом. А дело в том, что надо поскорее заканчивать свои обязанности здесь и перевестись в Москву, поближе к Катеньке. А в Москве надо подавать на увольнение из сестер милосердия и возвращаться к себе в Юрятин на службу в гимназии. Ведь про бедного Патулечку все ясно, никакой надежды, тогда больше не к чему и оставаться в полевых герониях, ради его розысков только и было это негорожено.

Что теперь там с Катенькой? Бедная сиротка (тут она принималась плакать). Замечаются очень резкие перемены в последнее время. Недавно были святы долг перед родиной, военная доблесть, высокие общественные чувства. Но война проиграна, это — главное бедствие, и от этого все остальное, все развенчано, ничто не свято.

Вдруг все переменялось, тон, воздух, неизвестно, как думать и кого слушаться. Слово водили всю жизнь за руку, как маленькую, и вдруг выпустили, учись ходить сама. И никого кругом, ни близких, ни авторитетов. Тогда хочется довериться самому главному, силе жизни или красоте, или правде, чтобы они, а не опрокинутые человеческие установления, управляли тобой, полно и без сожаления, полнее, чем бывало в мирной привычной жизни, закатышей и упраздненной. Но в ее случае,— вовремя спохватилась Лара,— такой целью и безусловностью будет Катенька. Теперь, без Патулечки, Лара только мать и отдаст все силы Катеньке, бедной сиротке.

Юрию Андреевичу писали, что Гордон и Дудоров без его разрешения выпустили его книжку, что ее хвалят и пророчат ему большую литературную будущность, и что в Москве сейчас очень интересно и тревожно, нарастает глухое раздражение низов, мы накануне чего-то важного, близятся серьезные политические события.

Была поздняя ночь. Юрия Андреевича одолевала страшная сонливость. Он дремал с перерывами и воображал, что, наволновавшись за день, он не может уснуть, что он не спит. За окном

позевывал и ворочался сонный, сонно дышащий ветер. Ветер плакал и лепетал: «Тоня, Шурочка, как я по вас соскучился, как мне хочется домой, за работу!» И под бормотание ветра Юрий Андреевич спал, просыпался и засыпал в быстрой смене счастья и страдания, стремительной и тревожной, как эта переменная погода, как эта неустойчивая ночь.

Лара подумала: «Он проявил столько заботливости, сохранив эту память, эти бедные Патулечкины вещи, а я, такая свинья, даже не спросила, кто он и откуда».

В следующий же утренний обход, восполняя упущенное и заглаживая след своей неблагодарности, она расспросила обо всем этом Галиуллина и заохала и заохала.

«Господи, святая твоя воля! Брестская, двадцать восемь, Тиверзини, революционная зима тысяча девятьсот пятого года! Юсупка? Нет. Юсупки не знала или не помню, простите. Но год-то, год-то и двор! Ведь это правда, ведь действительно были такой двор и такой год! О как живо она вдруг все это опять ощутила! И стрельбу тогда, и (как это, дай бог памяти) и «Христово мнение!» О с какою силою, как пронизательно чувствуют в детстве, впервые! Простите, простите, как вас, подпоручик? Да, да, вы мне раз уже сказали. Спасибо, о каком спасибо вам, Осип Гимазетдинович, какие воспоминания, какие мысли вы во мне пробудили!

Весь день она ходила с «тем двором» в душе и все охала и почти вслух размышляла.

Подумать только, Брестская, двадцать восемь! И вот опять стрельба, но во сколько раз страшной! Это тебе не «мальчики стреляют». А мальчики выросли и все тут, в солдатах, весь простой народ с тех дворов и из таких же деревень. Поразительно! Поразительно!

В помещение, стуча палками и костылями, вошли, вбежали и приковыляли инвалиды и неносильные больные из соседних палат, и наперебой закричали:

— События чрезвычайной важности. В Петербурге уличные беспорядки. Войска петербургского гарнизона перешли на сторону восставших. Революция.

Вступление, подготовка текста и публикация
Е. ПАСТЕРНАКА и В. БОРИСОВА.

Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РОМАНЕ «ДОКТОР ЖИВАГО»

Близость «Доктора Живаго» в каких-то своих элементах к привычной форме романа заставляет нас постоянно сбиваться на проторенную романную колею, искать в произведении то, чего в нем нет, а то, что есть,— толковать традиционно, искать в нем прямую оценку событий, прямое прозаическое, а не поэтическое отношение к действительности, видеть за описаниями бедствий осуждение—осуждение чего-то, их породившего. Между тем никто не обсуждает и не осуждает явлений природы, когда идет дождь, бьет гроза, закручивается метель, расцветает и поднимается до небес весенний лес; никто и никогда не стремится повернуть эти явления природы. Никто никогда не стремится этически оценить эти явления природы, повернуть личными усилиями, отратить их от нас мы не можем.

Постараюсь объяснить свое понимание «Доктора Живаго», отнюдь не навязывая его читателям. Последнее, как мы увидим, было бы и не в духе самого произведения.

Перед нами автобиография самого Б. Пастернака — автобиография, в которой удивительным образом нет внешних фактов, совпадающих с реальной жизнью автора. И тем не менее автор как бы пишет за другого о самом себе. Это духовная автобиография Пастернака, сбивающая неопытного читателя с толку своим тяготением к лирической поэзии.

Почему же все-таки понадобился Пастернаку «другой» человек, чтобы выразить самого себя, и вымышленные обстоятельства, в которые он сам не попадал?

Человек наделен поразительной способностью к перевоплощению, но это перевоплощение одновременно есть способность к воплощению своих дум и чувств, своего отношения к окружающему через другого. И поразительно, что воспринимающий лирику очень часто через нее воспринимает и самого себя, отождествляет в той или иной мере себя с лирическим героем. Этого бы не могло произойти, если бы поэт писал документально о себе, претендовал бы на фактографичность всего им сказанного. Юрий Андреевич Живаго — это и есть лирический герой Пастернака, который и в прозе остается лириком.

И еще одно обстоятельство чрезвычайной важности. Рассказывая о себе через чужого человека с «другой» жизненной судьбой, умершего (а как замечательно описана смерть доктора Живаго с этой случайно-неслучайной прохожей, невозмутимо идущей по улице и обгоняющей трамвай, в котором умирает Живаго), Пастернак не стремится убедить читателя в правильности своих мыслей, своих колебаний. Живаго совершенно нейтрален по отношению к читателю и его убеждениям. Но этого бы не произошло, если бы Пастернак повествовал о себе в открытую. Мысли автора стали бы более требовательными. Читателю казалось бы, что его убеждают, уговаривают,

просят разделить взгляды,— ведь это же не взгляды автора! А в сущности, что их разделять? У Живаго больше колебаний и сомнений, больше лирического и поэтического отношения к событиям (я настаиваю на этом выражении «поэтическое отношение»), чем законченных ответов. В этих колебаниях не слабость Живаго, а его интеллектуальная и моральная сила. У него нет воли, если под волей подразумевать способность не колебаться, принимать однозначные решения, но в нем есть решимость духа не поддаваться соблазну однозначных и непродуманных решений.

Воля в какой-то мере — это заслон от мира. Живаго — Пастернак приемлет мир, каким бы он ни был жестоким в данный момент. Раз нет однозначных решений, значит, не может быть и однозначного взгляда на самого себя, невозможна откровенная автобиография, а должен быть подставной герой, в которого читателю можно верить больше, чем в автора, потому что в нем нет никакого принуждения и есть не «заслон воли», а «открытие безволия».

И здесь наступает различие героя произведения и автора. Конечно, сам Пастернак далеко не безволен, ибо творчество требует громадных усилий воли. Это огромное вмешательство в жизнь — создать образ эпохи. Может быть, и сам доктор Живаго далеко не безволен во всех смыслах, а только в одном — в своем ощущении громадности совершающихся помимо его воли событий, в которых его носит и метет по всей земле. Образ вьюги, неостановимой и пронизывающей, так близок Пастернаку и Блоку в описаниях революции.

События революции — это некая данность, не подлежащая обычной оценке. Событий нельзя избежать. В них нельзя вмешаться. То есть вмешаться можно, но их нельзя поворотить. Нейтральность Ю. А. Живаго в гражданской войне декларирована в его профессии: он военврач — то есть лицо официально нейтральное по международным конвенциям.

Действительность отражена не сама по себе, а пропущена через личные впечатления, всегда обостренные. Революционные события предстали перед ним во всей их обнаженной сложности. Они не укладывались в голые хрестоматийные схемы принятых описаний, принадлежащих иногда людям, не видевшим и не пережившим самих событий. Противоречия могли быть в их эмоциональном понимании, ибо Пастернак не истолковывал событий.

О «Сестре моей жизни» Б. Л. Пастернак писал в «Охранной грамоте»: «...мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали». То же самое Пастернак мог бы повторить и в отношении к роману «Доктор Живаго». Это свидетельствовало бы о его величайшей скромности и осознании своего положения как бытописателя событий.

Роман не перестает меня удивлять.